

Се Цяо загорелся и побежал к нему, дёргая за широкий рукав, мгновенно скрыв все размышления на лице и приняв вид послушного ребёнка:

— Брат Хуайюй!

Лу Цзюэ повернулся, наклонился и ущипнул Се Цяо за щёку, почувствовав, что она стала более пухлой и светлой, чем раньше, и на его лице появилась улыбка, а в голосе зазвучала лёгкая насмешка:

— По нашей договорённости я пришёл проведать тебя. Как ты поживаешь?

Се Цяо покрутил глазами, лицо его сразу же омрачилось, и он без тени смущения и стеснения начал жаловаться:

— Этот Ли Минбэй постоянно издевается надо мной. Я за эти дни так похудел от его издевательств.

Лу Цзюэ, глядя на круглое лицо Се Цяо, которое стало ещё полнее, чем раньше, на мгновение опешил, но, заметив, как оживилось лицо Се Цяо, когда он жаловался, нашёл это очень милым и нарочно поддразнил его:

— Так значит, я правильно предположил, что тебе скучно на уроках, и хотел сегодня взять тебя на прогулку, но раз ты так похудел, давай останемся в зале и подкормим тебя.

Се Цяо схватил Лу Цзюэ за рукав, резко поднял голову, и все обиды с его лица исчезли, он серьёзно сказал:

— На самом деле, я не так уж и похудел.

Лу Цзюэ громко рассмеялся, поднял Се Цяо на руки и широким шагом вышел из зала:

— Тогда пойдём гулять!

Лу Цзюэ вывел Се Цяо из дворца. Было утро, и Цзиньлин кипел жизнью. Лу Цзюэ, хотя и был в простой одежде, с его лицом невозможно было остаться незамеченным. Он был одет в роскошные одежды, с нефритовым диском и мечом на поясе, и шёл по оживлённой улице, держа на руках Се Цяо, словно не замечая восхищённых взглядов окружающих. Хотя он нёс такого большого ребёнка, что выглядело немного странно, большинство людей, ослеплённых его красотой, не замечали этого.

В их глазах Се Цяо был не более чем декорацией, вроде капусты или редьки, продаваемой на улице.

Се Цяо почувствовал эти взгляды, уголки его губ опустились, и он проглотил слова «на самом деле, ты можешь поставить меня, я могу идти сам».

Нравы Великой Шэн были свободными, и одна из девушек, застенчиво улыбаясь, бросила ароматический мешочек с вышитыми орхидеями в руки Лу Цзюэ, но Се Цяо поймал его. Мешочек источал тонкий, не приторный аромат, на нём были вышиты две орхидеи, изящные и благородные, что говорило о хорошем вкусе и мастерстве девушки. Он сжал его в руке, чувствуя лёгкое раздражение.

Лу Цзюэ, увидев, что Се Цяо поймал чужой мешочек, уже собирался напомнить ему вернуть его, как вдруг на лице Се Цяо появилась самая невинная улыбка. Он широко открыл свои чёрно-белые глаза и детским голосом, полным наивности, сказал девушке:

— Сестричка, ты, конечно, симпатизируешь мне, бросив мне мешочек, но мне всего девять лет, я ещё слишком мал, и мы с тобой не подходим друг другу.

Лу Цзюэ: «...»

Девушка: «...»

Окружающие зеваки: «...»

Лицо девушки на мгновение стало пустым, но она решила, что это просто детская шутка, и, приняв вежливую улыбку, уже собиралась объяснить, как вдруг ребёнок бросил мешочек прямо ей в руки, его лицо озарилось яркой улыбкой, и он сказал:

— Когда я подрасту, сестричка, можешь снова бросить мне мешочек.

Девушка наконец поняла, что ребёнок нарочно её дразнит, и даже служанка за её спиной была поражена. Она уже собиралась что-то сказать, как вдруг юноша с лицом, похожим на белый нефрит, улыбнулся ей с извиняющимся и слегка смущённым видом, взял ребёнка на руки и ушёл.

Нравы Великой Шэн всегда были простыми и свободными, и девушки часто бросали ароматические мешочки симпатичным юношам на улице. Хотя сегодняшний случай был необычным, люди восприняли его как забавный инцидент и быстро вернулись к своим делам.

Девушка долго смотрела на удаляющуюся фигуру Лу Цзюэ, пока он не скрылся из виду, а затем повернулась к служанке и сказала:

— Пойдём.

Хотя она и чувствовала сожаление, но не стала ссориться с девятилетним ребёнком. Иногда в жизни случаются неожиданные встречи, но, как и сны, они остаются лишь мимолётными впечатлениями, и люди живут не иллюзиями.

...

Лу Цзюэ продолжал нести Се Цяо по улице. Хотя он и находил произошедшее забавным, но воспринимал это как детскую шалость и не придавал значения. Они вышли на одну из улиц, где перед ними оказался белый каменный мост. Это был берег реки Циньхуай, самая оживлённая улица в Цзиньлине.

Он уже собирался ступить на мост, но остановился:

— Ты боишься воды, здесь вдоль реки, пойдём погуляем в другом месте?

— Я боюсь только воды, если не садиться на лодку, то всё в порядке, — ответил Се Цяо.

— Твоя фобия действительно странная, — Лу Цзюэ легонько ткнул Се Цяо в нос и перешёл через мост на другой берег Циньхуай.

Жилые дома Цзиньлина были построены в традиционном стиле южного Китая, из синего кирпича и белой черепицы, изящные и утончённые. Но по обеим сторонам реки Циньхуай магазины были выкрашены в ярко-красный цвет, стояли рядами, сверкая и сияя. Река была заполнена лодками и баржами, а звуки людей смешивались с музыкой, создавая атмосферу человеческой жизни.

На этой улице было множество ресторанов, а напротив них располагались различные ларьки. Се Цяо ничего не говорил, но Лу Цзюэ уже закупил ему кучу вещей. Еда, игрушки, безделушки — не пройдя и половины улицы, Се Цяо был увешан всем этим, как украшенный ресторан.

В руках у Се Цяо был маленький глиняный горшок, в котором плавали две яркие золотые рыбки с большими глазами. Се Цяо смотрел на них с лёгким недоумением:

— Я не хотел этого...

— Ммм? — Лу Цзюэ посмотрел на рыбок, затем на Се Цяо:

— Но я видел, как ты смотрел на них.

Се Цяо: «...» На самом деле он смотрел на кузницу за ларьком с рыбками, где висел маленький арбалет, идеально подходящий для ребёнка.

Увидев растерянное лицо Се Цяо, Лу Цзюэ рассмеялся:

— Эти рыбки похожи на тебя, так что заботься о них.

Се Цяо с недоверием широко открыл глаза, посмотрел на рыбок в горшке, у которых головы и глаза были непропорционально большими, что делало их глупыми. Рыбки выпустили пузырьки, что сделало их ещё глупее. Он поднял голову с выражением обиды и недоверия:

— Я... похож на них?

— Ммм, — Лу Цзюэ сдержал смех и серьёзно кивнул, добавив последний удар:

— Очень похож.

Се Цяо: «...»

...

Продолжая идти, они увидели величественное здание, вокруг которого собралось много людей. Везде было шумно, но только здесь царила тишина. Звучала лишь музыка, смесь цитры и флейты. Они подошли ближе и увидели на втором этаже девушку с изящной фигурой и лицом, похожим на цветок лотоса. Она играла на цитре, а за ней стояла служанка. Флейтист, видимо, скрывался за занавеской.

Оказалось, что эта девушка была дочерью владельца ресторана, с детства увлекалась музыкой и, достигнув подходящего возраста, хотела найти мужа, который бы разделял её интересы. Отец, любя дочь, устроил для неё на втором этаже сцену, где она могла играть на цитре, а музыкант играл на флейте, чтобы она могла выбрать мужа по звукам.

Девушка играла на цитре, случайно взглянув вниз, увидела лицо, которое выделялось среди толпы. Её глаза загорелись, на лице появилась улыбка, и она опустила голову, продолжая играть, а затем кивнула служанке, которая спустилась вниз.

Се Цяо, услышав разговор двух людей рядом, понял, в чём дело, и почувствовал неладное. Он уже хотел поторопить Лу Цзюэ, как вдруг тот остановился, слегка нахмурился, а затем задумался.

— Что... что случилось? — Се Цяо насторожился.

— Эта девушка сыграла не ту ноту.

Се Цяо удивлённо уставился на него:

— Ты это слышал?

Он знал из прошлой жизни, что Лу Цзюэ был мастером музыки, играл на флейте и цитре, и даже прославился по всему Китаю, но он не ожидал, что шестнадцатилетний Лу Цзюэ, просто проходя мимо, заметит ошибку в игре.

Лу Цзюэ с уверенностью ответил:

— Я всегда интересовался музыкой.

Служанка в толпе, услышав их разговор, загорелась и поспешила наверх, чтобы шепнуть что-то на ухо своей госпоже.